

Научная статья

УДК 81`37, 81`42

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-20-30

Эвфемистические средства эротического нарратива в цикле «Тёмные аллеи» И. Бунина

Оксана Михайловна Исаченко ¹

Хэ Син ²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8185-7956>

² 1610286235@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9215-4650>

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей эротического нарратива И. А. Бунина в его цикле «Тёмные аллеи», который стал событием в русской классической литературе – своеобразной художественной «энциклопедией любви», написанной вопреки этико-идеологическим запретам. Автор широко использует различные приемы эвфемизации эротических смыслов: синонимические замены, приемы генерализации, намека, эллипсиса, умолчания. Количественные данные показывают, что главной речевой стратегией в бунинском цикле является умолчание, которое реализовано в целой серии стилистических тропов и фигур. В вертикальном контексте русской культуры эротический нарратив И. Бунина – его сдержанность и точность в выборе языковых средств, намеренное исключение натуралистичности и сниженности стиля – служит сохранению гармонии в триаде «ЛЮБОВЬ – СТРАСТЬ – СЕКС». Бунинский язык «Тёмных аллей» можно считать классическим эталоном таинства физической любви, на который ориентировались писатели XX в., принимая или отрицая его.

Ключевые слова

эротический нарратив, эвфемизмы, способы эвфемизации, синонимы, генерализация, фигуры речи

Для цитирования

Исаченко О. М., Хэ Син. Эвфемистические средства эротического нарратива в цикле «Тёмные аллеи» И. Бунина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 20–30. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-20-30

Euphemistic Means of the Erotic Narrative in the Cycle *Dark Alleys* by I. Bunin

Oksana M. Isachenko ¹, He Sin ²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8185-7956>

² 1610286235@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9215-4650>

Abstract

Purpose. The article analyses the features of the erotic narrative of I. A. Bunin in his cycle *Dark Alleys*, which became a phenomenon in Russian classical literature – a kind of artistic “encyclopedia of love”, written in defiance of ethical and ideological prohibitions.

© Исаченко О. М., Хэ Син, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 20–30

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 20–30

Results. Erotica in this cycle is presented in descriptions of the physiology of sex and sexual communication. The research examines 209 contexts extracted from the cycle. They describe actions of a sexual nature, including violent or commercial ones, human physiology and anatomy (59 contexts), which determine human sexual behavior. The writer widely uses various methods of euphemization of erotic meanings: synonymous replacements, generalization techniques, allusion, ellipsis, silence. Quantitative data show that the main speech strategy in the Bunin cycle is silence, which is implemented in a whole series of stylistic tropes and figures. I. A. Bunin uses a diverse arsenal of units of the lexical, lexico-morphological and syntactic levels. Euphemisms appear in areas of maximum erotic tension. With their help, the author reduces the “emotionogenicity” of erotica in accordance with his own ideas about the boundaries of what is acceptable and permissible.

Conclusion. In the vertical context of Russian culture, I. Bunin’s erotic narrative, his restraint and precision in the choice of linguistic means, the deliberate exclusion of naturalism and reduced style serve to preserve harmony in the triad “LOVE – PASSION – SEX”.

The Bunin language of *Dark Alleys* can be considered a classic standard of the sacrament of physical love, which the writers of the 20th century were guided by, accepting or rejecting it.

Keywords

erotic narrative, euphemisms, euphemization methods, synonyms, generalization, figures of speech

For citation

Isachenko O. M., He Sin. Euphemistic Means of the Erotic Narrative in the Cycle *Dark Alleys* by I. Bunin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 20–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-20-30

Любовь как акт лишена глагола.

И. Бродский

Введение

Эротика – один из важных аспектов человеческого бытия, для описания которого в культуре и языке сформировался специфический нарратив с характерным противопоставлением мужского и женского начал и сакрализацией эротической сферы, претерпевший в исторической перспективе, с учетом его древнего происхождения и богатой фольклорной традиции [Бабенко, 2003; Берестнев, 2003; Гура, 2003], существенные трансформации.

Сборник «Тёмные аллеи» И. Бунина датирован 1937–1945 гг. и признан в литературоведении «энциклопедией любви». Автор сборника транслирует в трехчастном цикле из 40 рассказов понимание природы человеческой сексуальности как борьбы телесного и духовного. На фоне того, что «в России система социально-нравственных понятий была законсервирована советской властью в течение практически всего XX века и воспроизводила своего рода викторианско-просвещенческую модель культуры» [Пригов, 2003, с. 114], сборник воспринимался как революционное откровение, так как он был создан в период вытеснения эротики в область запретного. При этом цикл И. А. Бунина не стал маргинальным прежде всего благодаря специфическому авторскому нарративу, который не похож ни на эротический язык устного фольклора, ни на постмодернистское эротическое «письмо».

Эротический язык И. Бунина преодолевает запрет: и общественный, и собственно тематический. Автор, говорящий «про это», использует завуалированное описание «жизни человека телесного», отягощенного сексуальностью и эротичностью, которые «продиктованы» самой природой и человеческим естеством. Любой взрослый погружен в эротическую сферу, которую считает «нормальной» [Берестнев, 2003, с. 136].

Основными лексическими репрезентантами эротики являются классические узловые единицы:

- универсальная лексема *любовь*, называющая «и душевное, и плотское влечение», т. е. «диффузный функциональный полисемант», и двузначный глагол *любить*, обозначающий «единение духа и плоти»;
- традиционная лексема *страсть*, тяготеющая по функции к вербализации сценария физического соития;
- довольно быстро освоенное заимствование *секс*, которое используется для наименования полового акта;

• синонимичные формулы-кальки *заниматься любовью* или *заниматься сексом* [Бабенко, 2003, с. 157–158, 172].

К специализированной лексике эротического языка современной художественной прозы Н. Г. Бабенко относит инвективы, просторечия, анатомо-физиологические термины, эвфемизмы, дейктические и междометные слова. Она считает их лексическим ядром, от которого «специфическая сексуальная энергия» распространяется на другие лексические сферы текста, «эротически окрашивая <...> телесную, эмоциональную, перцептивную, бытовую, творческую, природную, религиозную лексические парадигмы» [Там же, с. 161].

На фоне сравнения с новейшей художественной литературой, в русской классике, в первую очередь в «Вешних водах» И. С. Тургенева и «Тёмных аллеях» И. А. Бунина, эротическая тема традиционно табуирована, так как затрагивает сугубо личное пространство, интимную сферу жизни человека, связанную с устойчивым религиозным представлением о грехе и наказании.

Результаты исследования

Проанализируем на материале 40 рассказов цикла «Тёмные аллеи» темы и языковые средства эвфемизации эротического нарратива.

Эвфемизмы в узусе выполняют следующие функции:

1) замещение табуированной лексики (Р. А. Будагов [1958], Б. А. Ларин [1977], А. А. Реформатский [2000]) – через использование «разрешенных слов» вместо «запрещенных» [Сеничкина, 2008, с. 105];

2) смягчение речи (В. П. Москвин [2010], Е. П. Сеничкина [2008], А. М. Кацев [1988]) – через «косвенные заменители наименований страшного, постыдного или оидозного» [Ковшова, 2007, с. 5];

3) маскировка действительности (Lawtence J. [1973]) или «маскировка истины», которая бывает оскорбительной или неприятной [Ниман, Сильвер, 2007, с. 198].

В текстах И. Бунина в эротическом нарративе эвфемизмы служат разрешенным, «мягким» способом говорения на «стыдную» в коллективном представлении носителей русской культуры тему.

Эротика в данном цикле представлена в описаниях физиологии секса и сексуальной связи. К этой теме в цикле относятся 209 контекстов, которые на первом этапе классификации распределяются в две группы: описывают действия сексуального характера (150 контекстов) или физиологию секса (59 контекстов). Для каждой группы приведем примеры, выделяя в них эвфемизмы и сопровождая комментарием о «скрытом» смысле (в квадратных скобках).

I. Действия сексуального характера – половой акт (или соитие / коитус) и другие проявления сексуальности человека, его импульсивного эротического поведения:

1) интимные отношения и его возможные последствия: *Когда вернулся, почувствовал в теплом купе счастье совсем **семейной ночи*** [полового акта между супругами] (Генрих); *Жил томительно, затворником – **от свидания до свидания** с нею* [свидание = соитие] (Кавказ); – *ведь были же у вас **встречи*** [встреча = сексуальная связь] *за эти годы?* (В Париже); *Жил он с ней* [имел постоянные половые связи] *с тех пор все лето и **прижил** мальчика, который и стал расти при матери в кухне* (Дурочка);

2) этапы полового акта: *в ту **самую горячую минуту*** [момент оргазма], *когда они забыли всякую осторожность* (Руся); *Зачем ты говоришь всегда **в это время*** [в процессе соития]! (Таня); *И она, рыдая, вдруг ответила ему **женским бессознательным порывом*** [оргазмом] – *крепко и тоже будто благодарно обняла и прижала к себе его голову* (Таня);

3) сексуальное насилие: ***Незаконно обольстил*** [произвел насильственный половой акт] *мою матушку* (Баллада); *глядяшь, затяжелела: плачет и кается – меня, говорит, **Лес осилил*** [осилить = изнасиловать] (Железная Шерсть), которое остается противоестественным,

даже если допускать смысловую инверсию, что женщине оно доставляет удовольствие [Берестнев, 2003, с. 144];

4) предоставление сексуальных услуг (любовь за деньги): – *А вы сколько дадите? – Рубль за любовь* [за секс], *рубль на булавки* (Мадрид); – *Не хотите ли разделить компанию* [участвовать в сексе]? – *Отчего же нет? С удовольствием* (Мадрид).

II. Физиология и анатомия сексуальности включает прежде всего описание естественных реакций организма на сексуальное возбуждение, которое в частности может провоцироваться наготой партнера.

1. Состояние сексуального возбуждения: *Однажды в темную жаркую ночь от жестокого телесного возбуждения и, полежав, распалил* [об эрекции] *себя еще больше воображением...* (Дурочка); *Иногда он не выдерживал* [не мог устоять против соблазна, контролировать свое сексуальное влечение], *как бы шутя целовал ее в щеку, и она закрывала глаза, томно и насмешливо улыбалась* (Зойка и Валерия); *Я зажигал, садился на вертящийся табуретик возле пианино и постепенно приходил в себя, остывал от горячего дурмана* (Чистый понедельник). В этих и подобных контекстах автор исследует «феномен соблазна», который, в отличие от сексуального насилия, имеет «несиловой характер»: слабость женщины становится для мужчины «соблазняющей силой» [Бабенко, 2003, с. 176].

В рассказах И. Бунина гиперсексуальность проявляют не только мужчины, которым она приписывается традиционно: для мужчины секс – «это единственный, всепоглощающий интерес в жизни» [Берестнев, 2003, с. 138]. Писатель подробно исследует и эротическое поведение женщин, которые в не меньшей степени склонны к супружеской неверности, блудливы и порочны по своей природе, а в отношении эроса демонстрируют дуалистическое отклонение от «нормы» – могут быть как гипер-, так и гипосексуальными [Там же, с. 141]. Независимо от сексуального темперамента героини, читатель, по воле автора, сосредоточен на эротическом созерцании ее обнаженного тела.

2. Открытые части тела женщины, провоцирующие сексуальное возбуждение и эротические желания: *Он долго не спал, проснулся поздно и тотчас опять почувствовал, мысленно увидал, представил себе ее ночную прозрачную сорочку* [голое тело женщины] (Антигона); *но она уже была очень развита телесно* [в ее фигуре явно выражены вторичные половые признаки], *сзади особенно* [ягодицы], *хотя еще по-детски были нежны и круглы ее сизые голые колени под короткой шотландской юбочкой* (Зойка и Валерия); *Живот с маленьким глубоким пупком был впалый, выпуклый треугольник темных красивых волос* [на лобке] *под ним соответствовал обилию темных волос на голове* (Визитные карточки). Фиксация внимания на женском теле и подчеркнутое игнорирование особенностей мужского сообразен культурной традиции, в рамках которой мужские вторичные половые признаки чаще всего являются объектом табуирования [Бабенко, 2003, с. 160].

3. Особенности женской физиологии, связанные с цикличными проявлениями ее половой зрелости (в современном языке для этого используется эвфемизм *критические дни*): – *Знаешь, я, слава богу, ночью заболела...* *Ах, как бы я хотела проводить тебя на вокзал!* (Генрих); *потому что каждый месяц она дня три-четыре совсем не выходила и не выезжала из дому, лежала и читала, заставляя и меня сесть в кресло возле дивана и молча читать* (Чистый понедельник). Таких контекстов в бунинском эротическом нарративе не много, и, хотя в них используются эвфемизмы, они подтверждают правило: «лексическим источником эротического языка является анатомо-физиологическая терминология» [Там же, с. 159].

Совокупность авторских приемов эвфемизации эротической сферы демонстрирует различные механизмы «непрямого» описания и обозначения табуированных объектов сексуальной жизни его персонажей.

Вслед за Н. Г. Бабенко [2003] будем называть их «сексуальными эвфемизмами», которые объединяют разнообразие по стилистической принадлежности лексические средства, а также специфические синтаксические структуры. Своеобразный эвфемистический лексикон и синтаксис соответствуют представлению о допустимом в художественной речи, со-

тканному из лакун и умолчаний, что естественно, так как «в пределах вербальности эротика всегда предполагает долгую процессуальность описания и требует усилий читающего для последующей визуализации» [Пригов, 2003, с. 116].

Выделим языковые способы эвфемизации, к которым прибегает И. А. Бунин, прикасаясь к эротике, описывая сексуальные отношения своих персонажей. Контекстные примеры использования эвфемизмов распределяются по пяти группам, различным по статусу и функции языковых единиц – лексико-грамматических (группы 1, 2) и синтаксических (группы 3–5).

1. **Синонимизация** – замена прямых наименований синонимами. Синонимизация отмечена в 51 контексте (24 %).

А. В функции синонимов часто используются **стилистически маркированные** единицы:

а) **книжные** слова или словосочетания (*лишить невинности / девственности, нарушить чистоту, создать интимность* и т. п.), при этом оттенок книжности могут транслировать стилистически окрашенные слова («обертонны» высокой маркированности могут возникать в процессе деривации, например: *чистота* ← *чистый* ‘13. Книжн. ...свободный от скверны; негреховный’, или функциональной ассоциации: *невинность* = *целомудренность* ← *целомудренный* ‘2. Книжн. Нравственно чистый, исполненный целомудрия’), сложные прилагательные в роли эпитета (*изнурительно-страстный*) или глагольные / деепричастные конструкции (*искать любви / в поисках встреч, создать интимность*). Приведем полные контексты: *Я с ним год жила, вот как с вами. Он и невинности меня лишил* [лишил девственности, совершил половой акт] *всего на втором сеансе* (Второй кофейник); *я решил, что настало и для меня время быть как все, нарушить свою чистоту* [вступить в сексуальные отношения], *искать любви без романтики*... [заниматься сексом, не испытывая душевной привязанности] (Натали); *сразу создает некоторую интимность* [настраивает на физическую близость] *между тобой и ею, дает смелость в обращении с нею и уже как бы некоторое право на нее. Но не одно это возбуждало его* (Визитные карточки); *стал ездить в поисках любовных встреч* [случайного секса] *по соседним имениям, по родным и знакомым* (Натали); *Жизнь моя пошла внешне обыденно, но внутренне я не знал ни минуты покоя, все больше и больше привязываясь к Соне, к сладкой привычке изнурительно-страстных свиданий* [сексуальных связей] *с ней по ночам...* (Натали);

б) **разговорные** слова, преимущественно в речи персонажей: *Пойдет женщина или даже невинная в бор за хворостом, за ягодой – глядишь, затяжелела* [забеременела]: *плачет и кается – меня, говорит, Лес осилил* (Железная Шерсть) – глагол мотивирован разг.-сниж. значением прил. *тяжелая* (в ж. р.) ‘2. Беременная’; *И он заставил ее испытать то крайнее бесстыдство, которое так не к лицу было ей и потому так возбуждало его* [вызвало сильное сексуальное влечение] *жалостью, нежностью, страстью...* (Визитные карточки) – у глагола *возбуждать / возбудить* значение ‘3. кого. Разг. Вызвать половое влечение’ маркировано как сниженное, входящее в стилистический диссонанс с названными каузаторами возбуждения платонической природы – *жалость* и *нежность*.

Б. Стилистическая дифференциация субститутов для обозначения коитуса не является обязательным условием для эвфемизации. В этой функции могут выступать и **нейтральные номинации**. Но художественный текст требует от эротического нарратива интригующего «саспенса», поэтому в роли синонимов используются метафорические номинации, не имеющие эксплицированного стилистического макрокомпонента. Именно благодаря метафорическим образам создается дополнительная экспрессия, особенно заметная при сравнении с прямыми значениями функциональных синонимов.

Проанализируем употребление в роли эвфемизма прил. *невинный*. Прямое значение мотивировано сущ. *вина* – ‘не имеющий за собой вины, провинности’. В условно эротическом контексте: *Я невинная!* (Гость) – у него иное значение – ‘о девушке, не имевшей сексуального опыта’, которое в БТС описывается обиняком, эвфемистически – ‘4. Девственный, целомудренный’ (эротический лексикон и в толковом словаре табуирован). Сущ. *вина*, вопреки словарному толкованию (‘1. Проступок, провинность, преступление. // Ответственность

за такие действия; 2. Причина, источник (чего-л. нежелательного, неблагоприятного) [БТС]), синонимично сущ. *грех*, что мотивирует эротическое значение прил. *невинный*.

Аналогичный механизм речевого заполнения семантической и лексикографической лакуны демонстрирует прил. *близкий*, которое по своим прямым значениям принадлежит к пространственной лексике: '1. Находящийся неподалеку: 2. Короткий (о расстоянии)'. Но очевидно, что в таких контекстах, как: *...странны были и наши с ней отношения – совсем близки мы все еще не были* (Чистый понедельник), слово *близкий* фиксирует телесный, сексуальный контакт между людьми (или, как в приведенном примере, его отсутствие). Эротический смысл прил. *близкий*, широко распространенный в современном узусе, в словаре не отражен, но скрывается за эвфемистической формулировкой ЛСВ₅, в которой используются универсальная лексема *любить* и обобщенное слово *связанный* (ср.: *связь* '3. // О любовных отношениях, сожительстве'), – '5. Тесно связанный с кем-, чем-л. какими-л. отношениями. // Дорогой, любимый, милый'.

Метафорическое значение прил. *жадный* '2. Выражающий сильное желание чего-л., сильное стремление к чему-л.' мотивирует отвлеченное сущ. *жадность*, которое в эротическом контексте: *И они скорым шагом пошли в столовую первого класса, она впереди, он за ней, уже с некоторой жадностью осматривая ее. Он вспоминал о ней ночью* (Визитные карточки) – обозначает 'сильное сексуальное влечение'. Второй метафорический план обусловлен непосредственно значениями сущ. *жадность*, которое описывает неудержимую меркантильность (к деньгам, к наживе), самоотверженность (в работе, учебе и т. п.) или погружение в какую-либо деятельность (познание, чтение, путешествия). Таким образом, нейтральная номинация в функции эвфемизма приобретает образные коннотации и сообщает тексту концентрированную «эротическую энергию», которая приведет сюжет к «сексуальной развязке».

Как видим, не все эротически ориентированные в тестах И. Бунина синонимы-эвфемизмы (*жадность*, *невинный*, *встреча*) потенциально, на уровне словарного значения, соотносены со сценарием плотской любви. Это означает, что лексикон эвфемизмов не представляет собой ограниченного словаря и гипотетически может включать широкое множество лексем.

В эротическом нарративе И. А. Бунина преобладают стилистически высокие единицы или образные номинации, которые создают романтический, лирический, чувственный ореол натуральности и телесности.

2. Генерализация – это замена прямых наименований максимально неконкретными, абстрактными, обобщенными. К этой группе относятся 36 контекстов (17 %). Способы генерализации дифференцируются на основе частеречной принадлежности субститута.

А. Местоименная замена, при которой местоимение, не имеющее возможности называть и обозначать объект, указывает на него вполне определенно при поддержке ближайшего контекста, глагольных связей и сюжетной конституации.

В роли эвфемизмов используются:

1) дейктики личной сферы (собственно личные местоимения и возвратное *себя*): *она тотчас же, спеша угодить ему* [его сексуальному желанию] *и до конца дерзко использовать все то неожиданное счастье, которое вдруг выпало на ее долю с этим красивым, сильным и известным человеком* (Визитные карточки); *он ночью понял, что уже хотел ее* [близости с женщиной, сексуального обладания ее телом]. *Почему? По привычке дорожного влечения к случайным и неизвестным спутницам?* (Визитные карточки); *...потом, не владея собой* [своим телом, сексуальными желаниями, которые сильнее рассудка], *встал, прокрался в темноте через сенцы в кухню... нашарил, протягивая вперед руки, нары, на которых спала кухарка, нищая, безродная девка* (Дурочка); *И встала во весь рост, показывая всю себя* [свое тело] *спереди во всей своей женской силе* (Месть);

2) «неличные» дейктики, среди которых указательные, определительные, неопределенные или отрицательные местоимения: *всё* [соитие] *вышло и для него совсем неожиданно* (Таня); *Меня что-то страшно укусило там* [за ягодицу]... (Зойка и Валерия) – местоименное наречие *там* призвано скрыть смущение героини; *Ну вот, – сказала она как будто облегченно. –*

Больше пока ничего [соития] *нельзя* (Муза) – героиня с помощью местоимения отрицает возможность сексуального контакта, судя по интонации, нежелательного, даже если *можно*; *Но добьешься ли чего-нибудь* [физической близости]? (Антигона). Сюда же можно отнести контекст, в котором для номинации полового акта используется частично десемантизированное и поэтому максимально зависимое от контекста сущ. *дело: он уже знал, почему так влечет его она, и нетерпеливо ждал доведения дела до конца* [до половой связи] (Визитные карточки).

Лингвисты отмечают важную роль местоимений в эротическом нарративе. Так, Н. Г. Бабенко выделяет в качестве уникальной речевой стратегии В. Нарбиковой создание дейктического эротического текста. В цикле И. А. Бунина такой стратегии нет, местоименная эвфемизация встречается эпизодически. Для стиля «Тёмных аллей» не характерен и междометный эротический текст: персонажи И. А. Бунина при «отправлении сексуальной надобности» молчат¹. Такую манеру эротического нарратива Н. Г. Бабенко называет «латентной», цель которой «оставить неизреченным то, что изречено быть не может (вследствие своей иррациональности) и не должно (вследствие своей сугубой интимности)» [Бабенко, 2003, с. 160].

Случаев вторичной семантизации – депроминализации, свойственной обозначениям эротики и секса в современной повседневности (разговоры *про это, заниматься этим самым*), в текстах И. А. Бунина не отмечено.

Б. Снятие семантической дифференциации путем элиминирования определения в коллокациях, имеющих конкретное значение. Например, сущ. *связи* в атрибутивных сочетаниях называет различные типы социальных отношений: *семейные / дружеские / личные / родственные связи* (аналогично в форме ед. ч.: *мобильная / воздушная / спутниковая / телефонная / селекторная* и пр. *связь*). В контексте: *Когда он, из-за связи с одной известной актрисой, промучился в Москве до самого июля* (Степа) – лексема *связь* используется как общая номинация, значение которой наводится контекстом, и читатель понимает, что речь идет о любовной, сексуальной связи. Аналогичный пример: – *ведь были же у вас встречи* [любовные свидания] *за эти годы?* (В Париже).

В. Глагольная метонимия – использование глагола конкретной семантики для обозначения имплицитного действия, которое ситуативно сопутствует основному. Например, глагол *спать* имеет в узусе специальное сниженное значение ‘З. с кем. Разг.-сниж. Быть в половой связи с кем-л., совершать половой акт’, которое реализуется в контексте: *И спать, спать. Мы не дети, вы, я думаю, отлично знали, что раз я согласилась ехать к вам...* (В Париже). На фоне такого употребления главное значение глагола *спать* ‘находиться в состоянии сна, лежать в кровати’ интерпретируется как обобщенное, генерализованное. Подобное развитие семантики наблюдается и у глагола движения *ходить* (*ходит к ней один человек*): *...она теперь приходила ко мне только поздно вечером, когда весь дом засыпал* (Натали).

К метонимической генерализации можно отнести контекст, в котором обозначение супружеской связи (между мужем и женой) указывает на сексуальную «подоплеку» их отношений: *Полежав в изнеможении, она приподнялась и с улыбкой счастливой усталости и еще не утихшей боли сказала: – Теперь мы муж с женой* (Руся).

3. Намёк – это синтаксическая структура, с неявно выраженной коммуникативной интенцией говорящего / пишущего, это способ косвенной передачи смысла, который по ситуации и контексту нужно дешифровать, восстановить. Контексты, содержащие намек (16 единиц), составляют 8 % выборки.

В эротическом нарративе И. А. Бунина, в отличие от современных авторов, которые изобретательно и откровенно живописуют сексуальные действия (например, С. Шаргунов в повести «Малыш наказан»), множество недосказанностей и значимых умолчаний, многозначительных лакун, что свидетельствует о бережном отношении автора к разным проявлениям

¹ В отличие от персонажей В. Сорокина, например, в романе «Тридцатая любовь Марины» или в сб. «Сахарный Кремль».

чувственной любви: – *Только без поцелуев. Мы не гимназисты. А деньги вот сюда, на стол* (Барышня Клара) – утверждение взрослости через отрицание «не гимназисты» – это намек на то, что взрослым людям не следует стесняться ни физической близости, ни «продажности» секса. В приведенном контексте намек очерчивает «перспективу» отношений мужчины и женщины. Но намеки могут быть и ретроспективными, например предложение: *На другое утро он проснулся в ее постели* (Антигона) – воспринимается как намек на то, чем персонажи занимались ночью.

Намеки обозначают контуры события или действия, содержание которых заполняет фантазия и воображение читателя, способного выстроить причинно-следственные связи. Например: *она, только в одних лебяжьих туфельках, стояла, спиной ко мне, перед трюмо* (Барышня Клара) – так автор описывает стоящую лицом к зеркалу обнаженную девушку, за спиной которой мужчина; *Он пил, сидя в широкой ночной рубахе дяди, в его шелковом халате, и с грустью бесполезности рассматривал себя, распахнув халат* (Антигона) – вероятно, автор намекает на то, что в прорези ночной рубахи видно голое тело и его интимные части.

Намеки в синтаксическом аспекте представляют собой законченные по форме и смыслу высказывания, в отличие от эллипсиса или умолчания.

4. Эллипсис – фигура речи, суть которой заключается в пропуске конструктивных элементов предложения, восстанавливаемых по контексту или по общей ситуации. В картотеке контекстов 69 предложений (33 %) содержат эллипсис, в зону которого попадают «эротические подробности». Различия между случаями эвфемистического эллипсиса заключаются в природе пропущенного компонента предложения:

1) элиминация цели: *Я теперь только к вам буду ходить. Вы хотите? – Хочу. Только ко мне одному. Слышишь?* (Мадрид) – пропущено обозначение цели визитов – *буду ходить* зачем? При восстановлении этой позиции можно использовать ресурсы простого или сложного предложений (*ходить ради получения сексуального удовлетворения; ходить, чтобы давать / получать сексуальное удовлетворение*); аналогичные примеры: *Адам Адамыч завтра опять придет, что она увидит его страшные глаза и что, бог даст, господ опять не будет дома* (Гость); *Только нынче суббота, их приказчики взяли* (Мадрид) – *придет / взяли* для занятий сексом (данная подгруппа логически соотносится с приемом генерализации глагольной семантики);

2) элиминация причины: *Полежав в изнеможении, она приподнялась и с улыбкой счастливой усталости и еще не утихшей боли сказала: – Теперь мы муж с женой* (Руся) – очевиден пропуск элемента каузации (полового акта) физического и эмоционального состояния героини – *в изнеможении / не утихшей боли* от чего?; *...потом, не владея собой, встал, прокрался в темноте через сенцы в кухню <...> нашарил <...> нары, на которых спала кухарка, нищая, безродная девка, слышавшая дурочкой, и она, от страха, даже не крикнула* (Дурочка) – автор пропускает очевидный элемент «причина страха» – *от страха* перед чем / кем? (перед насильником);

3) элиминация действия сексуального характера, выраженного глаголом или девербативом: *он потянул ее к себе за юбку. Она отклонилась, отстраняя его руку: – Никак нельзя [что делать?], все проснулись...* (Таня); *Иногда он не выдерживал, как бы шутя целовал ее в щеку, и она закрывала глаза, томно и насмешливо улыбалась* (Зойка и Валерия) – *он не выдерживал* чего? – сексуального возбуждения, желания физической близости; *Через минуту [после чего?] он упал лицом к ее плечу* (Антигона); *стремительно-страстно блеснула ими в меня и сказала горячим шепотом: – Барин, завтра он уедет с ночевкой в город, приезжайте ко мне скоротать вечерок [чем? каким занятием?] на прощанье* (Дубки).

Прием эллипсиса, создающий смысловые лакуны в синтаксических структурах, позволяет снимать избыточную «сексуальную энергию» текста через эвфемизацию эротических действий.

5. Умолчание – фигура речи, суть которой в осознанном прерывании фразы, в недосказанности. Такой прием отмечен в 37 контекстах (18 %). Характерным маркером умолчания

является знак многоточия, преимущественно в конце предложения: «Из всех возможных в конце предложения знаков препинания именно многоточие точно передает тот поиск, в котором находится современная русская художественная проза, пытаясь облечь в слова чувства, действия, ощущения – всё то, что вбирает в себя триединство любовь-страсть-секс» [Бабенко, 2003, с. 179]. Резкая смена диктума после знака означает намеренный пропуск «эротического события»: *Она быстро обняла его за шею и неловко поцеловала в щеку... С тех пор они стали плавать по ночам* (Руся); *...и с потускневшими глазами медленно раздвинула ноги... Через минуту он упал лицом к ее плечу* (Антигона); *подошла к окну, тоже так таинственно, неслышно... она, лежа на постели, я, стоя на коленях возле и держа ее руку* (Натали); *а я охватил ее плечо и впервые в жизни сомлел в нежном холоде девичьих губ...* (Ворон); *И с умирающими глазами зашептала ему в ухо, лаская мехом и дыханием:– На минутку... Нынче еще можно...* (Генрих); *Быстро вынув одну за другой ноги в шерстяных чулках из валенок, легла, озираясь на дверь...* (Таня); *Он сперва шепотом побудил ее: «Послушай, не бойся...»* (Таня) – в этих примерах автор «замолкает», едва намекнув на сексуальное «сближение» своих героев, их эротическую связь.

Выводы

Как видим по количественным показателям, наиболее характерны для текстов И. А. Бунина синтаксические приемы эвфемизации через недосказанность, непроговоренность табуированных действий: намеки, эллипсис и умолчание (122 контекста, что составляет 58 % выборки). Автор как бы «выводит» эротику из-под прямого наблюдения за ней, не описывая сам процесс, полагаясь на опыт и фантазию взрослого читателя. Способы эвфемизации через смысловые лакуны позволяют И. Бунину максимально оградить личное пространство своих персонажей, переключить внимание читателя с физиологии процесса на философские мысли: о жизни, страсти, судьбе и предопределенности, о грехе и т. д.

Изображение эротического средствами художественной литературы – это всегда мучительный поиск и эксперимент. У сексуальной сферы нет собственного языка, помимо сниженных и обценных слов, которые эротизм убивают, потому что направлены на скабрёзное вышучивание и осмеяние предмета описания. Принимая во внимание исключительно эмоциогенный характер эротического нарратива, авторы могут сознательно интенсифицировать или, напротив, ослаблять его. Как показывает проведенный лингвостилистический анализ, И. А. Бунин, используя разнообразный арсенал эвфемизмов лексического (24 %), лексико-морфологического (17 %) и синтаксического (59 %) уровней, сосредоточив их в зонах максимального эротического напряжения, снижает «эмоциогенность» эротики в соответствии с собственными представлениями о границах приемлемого (для вербализации) и допустимого (для публикации) в этой деликатной сфере. И. А. Бунин один из первых русских писателей обратился к теме сексуальности человека и, по сути, разработал эротический нарратив, главной особенностью которого является сдержанность, аккуратность, точность в выборе языковых средств, намеренное избегание грязи, брани, натуралистичности для сохранения гармонии в триаде «ЛЮБОВЬ – СТРАСТЬ – СЕКС». Бунинский «язык любви» можно считать эталоном меры таинства физической любви («тёмных аллей»), «классической манерой повествования об интимной жизни героев» [Бабенко, 2003, с. 168], от которой отталкивались или которой придерживались литераторы XX в.

И если в наше время «проблемы перцепции и презентации эротического уже не играют прежней культуuroобразующей роли» [Пригов, 2003, с. 115], то в 40-е гг. XX в. описание сексуальности человека воспринималось как революционный манифест. Остроту его звучанию придавал запрет, табу на искренность в этой теме, хотя сама природа эротики ограничивает нарратив: «эротика в принципе невыговариваема» [Там же, с. 118], но всегда есть возможность ее описать.

Список литературы

- Бабенко Н. Г.** Русский эротический язык: вербализация вопросов пола в современной художественной прозе // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 157–180.
- Берестнев Г. И.** Современный русский эротический анекдот и «заветные сказки» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 133–146.
- Будагов Р. А.** Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958. 544 с.
- БТС** – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения 20.02.2023).
- Гура А. В.** Коитус в символическом языке у славян // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 121–132.
- Кацев А. М.** Языковое табу и эвфемия: Учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
- Ковшова М. Л.** Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
- Ларин Б. А.** Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101–114.
- Москвин В. П.** Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2010. 260 с.
- Ниман Дж., Сильвер К.** Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур. М., 2007. 245 с.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.
- Сеничкина Е. П.** Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
- Пригов Д. А.** Беседа с Д. А. Приговым (записана А. Черняковым) // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 114–120.
- Lawrence J.** Unmentionables and other euphemisms. London, 1973. 84 p.

References

- Babenko N. G.** Russkii eroticheskii yazyk: verbalizatsiya voprosov pola v sovremennoi khudozhestvennoi proze [Russian Erotic Language: Verbalization of Gender Issues in Modern Fiction]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [*Baltic Philological Courier*], 2003, no. 3, pp. 157–180. (in Russ.)
- Berestnev G. I.** Sovremennyi russkii eroticheskii anekdot i “zavetnye skazki” [Modern Russian Erotic Anecdote and *Cherished Tales*]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [*Baltic Philological Courier*], 2003, no. 3, pp. 133–146. (in Russ.)
- Bolshoi tolkovyi slovar russkogo yazyka** [Great Dictionary of Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. (in Russ.) URL: <http://www.gramota.ru/> (accessed: 20.02.2023).
- Budagov R. A.** Vvedenie v nauku o yazyke [Introduction to the Science of Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, 544 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Koitus v simvolicheskom yazyke u slavyan [Coitus in the Symbolic Language of the Slavs]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [*Baltic Philological Courier*], 2003, no. 3, pp. 121–132. (in Russ.)
- Katsev A. M.** Yazykovoe tabu i evfemiya: ucheb. posobie k spetskursu [Linguistic Taboo and Euphemia: a Textbook for a Special Course]. Leningrad, LGPI im. A. I. Gertsena Press, 1988, 80 p. (in Russ.)
- Kovshova M. L.** Semantika i pragmatika evfemizmov [Semantics and Pragmatics of Euphemisms]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 320 p. (in Russ.)
- Larin B. A.** Ob evfemizmax [On Ephemisms]. In: *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, pp. 101–114. (in Russ.)

- Lawrence J.** Unmentionables and other euphemisms. London, 1973, 84 p.
- Moskvin V. P.** Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language]. Moscow, LENAND Publ., 2010, 260 p. (in Russ.)
- Niman J., Silver K.** Evfemisticheskaya leksika angliiskogo yazyka kak otrazhenie tsennostei angloyazychnykh kultur [Euphemistic Vocabulary of the English Language as a Reflection of the values of English-Speaking Cultures]. Moscow, 2007, 245 p. (in Russ.)
- Reformatsky A. A.** Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. Ed. by V. A. Vinogradov. Moscow, Aspekt Press, 2000, 536 p. (in Russ.)
- Senichkina E. P.** Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of Russian Euphemisms]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 464 p. (in Russ.)
- Prigov D. A.** Beseda s D. A. Prigovym (zapisana A. Chernyakovym) [Conversation with D. A. Prigov (Recorded by A. Chernyakov)]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic Philological Courier], 2003, no. 3, pp. 114–120.

Информация об авторах

Оксана Михайловна Исаченко, кандидат филологических наук
SPIN 9586-9608
Хэ Син, аспирант

Information about the Authors

Oksana M. Isachenko, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 9586-9608
He Sin, Postgraduate Student

Вклад авторов:

О. М. Исаченко – общая концепция статьи, подготовка теоретической базы исследования, научное руководство, редактирование текста, его подготовка к публикации.

Хэ Син – сбор и первичная обработка материала, классификация контекстов по разным основаниям (темам и средствам эвфемизации), количественные подсчеты, подготовка черного варианта текста.

Contribution of the Authors:

Oksana M. Isachenko – general concept of the article, preparation of the theoretical basis of the study, scientific supervision, text editing, preparation for publication.

He Sin – collection and primary processing of material, classification of contexts on various grounds (topics and means of euphemism), quantitative calculations, preparation of a draft text.

*Статья поступила в редакцию 02.05.2023;
одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 02.06.2023
The article was submitted on 02.05.2023;
approved after reviewing on 30.05.2023; accepted for publication on 02.06.2023*